

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Виталия Башуна
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

БУДЬ ЗДОРОВ
ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ГОСПОДИН ЦЕЛИТЕЛЬ

Виталий БАШУН

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО
ГОСПОДИН ЦЕЛИТЕЛЬ

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б33

Серия основана в 2004 году
Выпуск 383

Художник
С. А. Григорьев

Башун В. М.

Б33 Его высочество господин целитель: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1017-0

Филлиниан — молодой талантливый студент, будущий целитель в мире, где самые могущественные маги именно целители, — вернулся из трудного и опасного похода. Ему вновь предстоит учиться, работать и... защищать жизнь друзей от напасти, о которой раньше он даже помыслить не мог. Будет у него и любовь близких, и предательство друга, и совсем неожиданный титул наследника престола могущественной империи.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1017-0

© Башун В. М., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

ПРОЛОГ

«Королевская служба охраны и разведки (КСОР).

Выписка из личного дела индивида, подлежащего особой охране короны.

Г р у п п а: высшие лица государства.

П о д г р у п п а: целители и потенциальные целители.

И м я: Филлиниан деи Брасеро.

Оперативный псевдоним: Филин.

Т и т у л: наследник титула баронов Брасеро, вассалов герцогов Маринаро.

Общественный статус на текущий момент: студент королевской академии магических искусств, факультет лекарского дела, курс — четвертый.

С е м е й н о е п о л о ж е н и е: женат, имеет дочь. Жена — дочь герцога Маринаро, в настоящее время проходит курс обучения в КСОРе.

Способности к целительской магии Филлиниан проявил на втором курсе, создав проникающий огнешар. Был замечен бывшим офицером боевых подразделений КСОРа, замещающим должность хранителя склада материальных ценностей академии. Студенту были назначены наставники: целитель Лабриано (боевое применение магии) и Греллиана (целительство и лекарское дело). Кроме прочего, прошел краткий курс самообороны под руководством наставника из учебного центра нашей службы.

На практику был направлен в городок Сербано вместе с однокурсницей Кламирой деи Лермоно. Одновременно в Сербано была распределена на практику в составе тренировочной пятерки его будущая жена, Свентаниана деи Маринаро, студентка факультета боевой магии. Обстоятельства направления на практику дочери герцога Маринаро в потенци-

ально опасный район на границе с Лопером выяснены досконально, виновные привлечены к ответственности. Подробности — в деле №...

Неподалеку от Сербано карета Свентанианы подверглась нападению со стороны лоперских боевых групп. Как выяснилось впоследствии, целью нападения являлось похищение либо убийство дочери герцога. Филлиниан проявил себя достойно, уничтожив с помощью боевой целительской магии несколько противников, чем обеспечил победу практически без жертв с нашей стороны.

Вторично Филлиниан участвовал в отражении нападения лоперских боевых отрядов в окрестностях Сербано, где вместе с руководителем практики знахарем Герболио и однокурсницей занимался сбором трав. В результате боевого столкновения лоперцы были уничтожены, а оставшиеся в живых невидимки и Герболио со студентами оказались под завалом. Филлиниан смог удержать купол и пробить туннель наружу, тем самым освободив остатки отряда из-под завала.

Сон целителей прохождение лабиринта он видел, как и все целители. Согласно нашим сведениям, знания кристалла принял.

Отмечается еще один факт, имеющий отношение к дальнейшему. Свентаниана, убежденная в гибели друга, увидела сон, где Филлиниан сообщил ей, что ему удалось выбраться из-под завала. Сведения подтвердились до последней мелочи. Опрос некоторых целителей позволил признать возможность вещей снов между духовно близкими людьми. На основании вышеизложенного можно считать достоверным утверждение Свентанианы, будто она снова видела сон, в котором муж сообщил ей о своем возвращении из Лопера и о том, что ему грозит ложное обвинение в государственной измене со стороны некоторых чиновников на почве личной неприязни. Считаю своим долгом снова обратить ваше внимание: сокрытие факта принадлежности целителей к данной категории специалистов скорее препятствует охране их жизни и здоровья, нежели способствует оному.

Летом сего года Филлиниан был направлен в составе экспедиции под руководством Лабриано в ущелье Змей близ Сербано. Прикрывая отход отряда от атак монстров, снова оказался под завалом и был сочтен погибшим. Однако, как

выяснилось недавно, ему удалось пройти под Грассерскими горами и выйти в Лопер, где он присоединился к отряду графа Цвентиса фро Кордреса, переправлявшего большую дочь в горный замок. Филлиниан представился графу поваром Алониусом. В отсутствие графа на замок было совершено нападение, и Филлиниану удалось вывести в подземные пещеры дочь графа и двух ее слуг. Он провел их через горы подземными туннелями, благополучно избежав погони.

Несмотря на утверждение Филлиниана, что он не раскрывал свое инкогнито, есть основания предполагать, что граф о многом догадывается.

Подписи: заместитель начальника канцелярии КСОРа полковник Звеликаро, начальник отдела думающих капитан Монниалиано».

Генерал Алтиар отложил бумагу и задумчиво потер переносицу. Интересная комбинация назревает. Дочь влиятельного графа, сторонника молодого короля, которого негласно поддерживают наш монарх и кабинет министров, спасает элморский студент-целитель. Мало того, он еще попутно вылечил ее от недуга. Ее папочка уже должен быть весьма признателен Элмории, а если еще предложить укрыть ее здесь, у нас, то... Впрочем, об этом потом. Сначала разговор с парнем. И наставников его пригласить, а то мало ли... Те его хорошо знают и подмену раскусят в момент. Хотя конечно же большую глупость и представить сложно. Подменить целителя можно только целителем. Да и жена уже признала парня своим мужем, а девочка она очень умная, со временем обещает стать достойной сменой старикам. Если не погрязнет в домашних хлопотах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Мальчишка! Сопляк! Что ты себе позволяешь?! Как ты мог до такого додуматься?! Тебя в детстве родители пороли?! Нет? Так вот, я сейчас тебя выпорю! Чтоб знал в следующий раз, как вытворять подобные вещи!..

— Мы чуть не поседели, когда услышали о случившемся, а он тут сидит головой вертит! Нет уж, смотри мне в глаза! Этому тебя учили?! Этому?! Тебя спрашивают!.. Что отворачиваешься?! Слушать неприятно? А нам какво?..

— Ты понимаешь, что был совсем рядом с чертогами богов?! Понимаешь?! И тысячи егерей никогда не смогли бы исцелиться, потому что один безответственный мальчишка...

— Да ему после такого нельзя доверить даже полы в процедурной мыть!

— Никаких исцелений! Доучиваешь боевую магию и идешь работать в гвардейскую пятерку! И чтобы близко к больнице не подходил! С тобой точно не соскучишься!

Эта буря эмоций волнами гнева била в мою бедную голову то слева, то справа, то с обеих сторон одновременно — и это после искренней радости встречи. Может, для кого-то дело привычное, когда два целителя, с их-то уровнем самоконтроля, одновременно приходят в ярость и начинают орать прямо в уши всякие нехорошие слова, но для меня такое в диковинку. Конечно, когда я несколько раз удачно исцелил пациентов сербанской больницы, наставница Греллиана меня отчитывала, но то было просто ласковое поглаживание по сравнению с сегодняшней выволочкой.

Однако как эти двое спелись! Лабриано кричит слева — Греллиана орет справа. Один начинает — другая подхватывает. Можно подумать, они всю жизнь репетировали, готови-

лись — и наконец представился случай, долгожданная премьера. Ваш выход, маэстро! Мое выступление на этом празднике воспитания юнцов не предусматривалось.

Я старался держать нос по ветру и быть вежливым. Соответственно, получалось, что в каждый момент времени я смотрел на кого-то одного, повернувшись затылком к другому. Это еще больше раздражало моих наставников: каждый хотел выплеснуть накипевшее прямо в мои бесстыжие глаза, а я, видите ли, постоянно отворачиваюсь, словно слушать не хочу. Они распались все сильнее. Когда я наконец-то понял причину их негодования, то моментально прекратил крутить головой и уставился прямо перед собой, созерцая узор деревянных панелей кабинета.

Игра в «Тридцать три подзатыльника», где без всякой жеребьевки получение подзатыльников назначили мне, а выдачу — моим наставникам, проходила в кабинете господина Кламириана, личного порученца генерала Алтиара из королевской службы охраны и разведки. Господин Кламириан любезно пригласил участников «игры» к себе на третий день моего пребывания в столице.

Получив разрешение секретаря войти в апартаменты, я скромно переступил порог и сразу заметил своих наставников Лабриано и Греллиану, которые с недовольным видом сидели друг напротив друга за столом для совещаний. Боги, как я по ним соскучился! Они не были преподавателями академии, но именно с ними я проводил большую часть учебного времени, постигая тайны профессии целителя. Я всей душой ощутил, как груз забот и принятия ответственных решений наконец-то перекалдывается с моих плеч на крепкие плечи наставников. Они рядом, значит, все будет хорошо. Можно спокойно довериться им, а самому отправиться навестить друзей. Разыскать Сена, Весану, Вителлину и прочих, прихватить жену, чтобы не подумала чего, и закатиться всем вместе в какую-нибудь полуприличную харчевню. Именно в полуприличную. В неприличной плохо готовят, а в приличной могут и не позволить от души побеситься. Закажем побольше хорошего вина и пива, жареного гуся с перчиками под пикантным соусом, подкопченные свиные ребрышки со специями, рыбку всякую-разную соленую-вяленую-копченую, пироги с малиной-крыжовником-яблоками-цукатами...

Соблазнительная картина предстоящей пирушки возникла в воображении настолько детально и четко, что я сглотнул слюну и лишь после этого сделал робкий шаг в кабинет. Как себя вести? Что говорить?.. Знают ли наставники, что я живехонек, или им еще ничего не сказали?..

Лабриано повернул голову в сторону господина Кламириана и, даже не поинтересовавшись, кто вошел в кабинет, проворчал:

— Вы, почтеннейший, без двух целителей никак не можете решить свои текущие проблемы? За пятнадцать минут, что мы у вас просидели, уже восьмой служащий вашей конторы влезает с вопросами, а вы все никак не можете объяснить, зачем нас так срочно вызвали.

— Прошу меня извинить, произошла маленькая нестыковка во времени. Этот человек уже здесь, и я в первую очередь прошу вас — уверен, что это формальность, не более, — подтвердить его личность. — Кламириан указал на меня рукой, и гости равнодушно повернули головы в мою сторону.

Полминуты длилось молчание. Лица наставников ничего не выражали, и мое сердце дало сбой. Ну не могли они меня не узнать! Не могли! Что же происходит?! Вдруг Греллиана пошатнулась, откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Мне показалось, что по ее щеке скользнуло что-то блестящее и прозрачное и пропало. Зная твердый характер этой женщины, я принял обоснованное решение не верить своим глазам. А вот Лабриано оказался менее сдержанным. Вместо обычно воркующего с примесью хрипотцы и ехидства голоса из его горла вырвался победный рык голодного льва, и сам наставник, словно боевой хомячок, ринулся ко мне, сметая все на своем пути.

Я растерялся, не зная, что подумать и что предпринять. Меня сейчас будут убивать или обнимать? Срочно активировать защитный доспех или растопыривать руки для объятий?

Все-таки события в Лопере пошли мне на пользу — соображать я стал явно быстрее. Растопырил руки и... активировал доспех. Без шипов. Мячиком отлетев от меня, наставник бессознательно активировал собственный доспех и остано-

вился. Вместо ожидаемого громоподобного вопля я услышал сдавленный шепот:

— Филлиниан... Живой...

Со стороны Греллианы послышался глубокий вздох со всхлипом и тихий голос:

— Ну засранец! Я тебе покажу, как пропускать занятия без уведомления наставников!

Женщина вышла из-за стола, размашистым шагом подошла ко мне, пристально взгляделась в мои глаза и быстрым движением притянула мою голову к своей груди. Доспех я, разумеется, к этому времени уже деактивировал. Лабриано тоже подошел с левого бока, положил руку мне на плечо и молча крепко сжал.

Так мы и простояли некоторое время живой картиной «Возвращение блудного студента», пока хозяин кабинета не напомнил о своем существовании:

— Простите, господа, что прерываю вас в такой момент. Я понимаю ваши чувства, но, к сожалению, время неумолимо бежит, а некоторые вопросы мы обязаны решить до обеда.

Наша триединая композиция распалась, и наставники под белы ручки сопроводили меня к столу, где усадили между собой, не мучаясь проблемой разгрома другой части кабинета. Кламириан предложил мне кратко пересказать, что со мной произошло, и подробнее осветить те моменты, которые касались непосредственно целительства.

Как я и предполагал, рассказ об исцелении егеря от паучьей болезни вызвал бурную реакцию со стороны наставников с последующим штурмом моих ушных раковин посредством модулированных звуковых волн. Дровишек в топку их ярости подбросило признание, что ассистировала мне младшая помощница, даже не знахарь, как в Сербано. Порученец растворился в темном углу кабинета и, прикинувшись ветошью, тихо пережидал грозу, используя все мастерство, приобретенное в школе невидимок. Зато наставники от всей души, не стесняясь в выражениях — слава богам, обошлось без рукоприкладства, — врезали мне громовыми раскатами сразу в оба органа слуха, проверяя их выносливость и адаптивность. Минут десять продолжалась бомбардировка моего отупевшего мозга тяжелыми валунами правильных слов и прописных истин, пока снаряды не кончились, а баллиста и

фрондибола не рухнули замертво от усталости. Проще говоря, наставники стали повторяться, а языки их — заплетаться.

Греллиана откинулась на спинку стула, достала платок и, утомленно протирая мокрое от пота лицо (видно, не на шутку за меня переживала), негромко сказала:

— Слава богам, что без метастазов, а то бы...

— Мм...

— Что? — живо насторожилась наставница.

— Вообще-то... с метастазами... на последней стадии... — робко промямлил я, ожидая уже не бури, а урагана, тайфуна, торнадо или всемирной катастрофы на мою несчастную голову.

Вместо этого оба громовержца со стоном схватились за головы, всем своим видом показывая: убиты наповал ржавым кривым ножом без ручки.

— Я предлагаю, — слабым голосом зачавшего в вегетарианстве тигра сказала Греллиана, — тихо задушить этого примерного ученика и прикопать где-нибудь...

— Если вспомнить, сколько раз его уже все хоронили под камнепадами, то прикопать не получится — вылезет и снова будет нам нервы на магус наматывать, — на полном серьезе подхватил Лабриано.

— Рассказывай. Всё. В мельчайших подробностях, — ровным голосом приказала целительница.

Я и рассказал в деталях, стараясь ничего не упустить. В том числе о слиянии с пациентом (мне показалось, наставники одобрительно переглянулись), о капельнице, сделанной из преобразованного узора защитного купола (здесь Греллиана и Лабриано одновременно недоверчиво хмыкнули), о самом процессе исцеления и о том, что из-за сопротивления организма больного я не мог прервать сеанс.

— Пожалуй, его спасло использование капельницы, — первой вышла из задумчивости целительница. — Как ты считаешь?

— Уверен, — подтвердил Лабриано. — Иначе у него и наполовину не хватило бы ресурсов. Следует признать, что в этих новомодных капельницах, придуманных травниками, есть что-то полезное и для нас.

— Я считала, что проку в них нет: пока их состав по венам дойдет до сердца и вернется в нужную область... А мальчиш-

ка, следует признать, здорово придумал — вводить иглу прямо в артерию возле больного органа. Еще, пожалуй, можно будет расщеплять поток и распределять прямо по капиллярам...

Все затихли, обдумывая новую идею.

— Ну-ка, покажи узор трубки, — попросил меня Лабриано.

Я продемонстрировал трубку и еще показал узоры для перемещения флаконов. Магическим зрением мы втроем разглядывали структуры. Я — в очередной раз, наставники — впервые.

— Так, — сказал Лабриано. — Ясно. Вот сюда добавляем блок управления, сюда — узор сглаживания, ты его еще не изучал, поэтому и не мог использовать... Зачем отталкивать поток вещества от стенок, когда можно реализовать простое скольжение вот этой добавкой. Так и трубка получается гораздо тоньше... По размерам уже сопоставима с капиллярами.

Вот что значит опыт!

— А вот тут можно добавить рассекатель, — воодушевилась Греллиана. — Тогда впрыск пойдет избирательно... А если еще добавить фильтры, чтобы поступали только нужные вещества...

— Я полагаю, это лишнее, — прервал ее Лабриано. — Клетки тела сами разберутся, что для них необходимо, а что — нет.

— Они-то разберутся, лишнее потреблять не станут. Но куда это лишнее девать? Предлагаешь фильтровать через печень? Ты же прекрасно знаешь: то, что для одной области организма — лекарство, для другой — яд. Мало клеткам и без того достается? А ну как не выдержат даже с магической поддержкой? Ведь не просто так лекари прокачивают через вены существенно ослабленные растворы. А ты предлагаешь... Может, еще и к печени капельницу подвести с магически насыщенным раствором?

В течение десяти минут они спорили, забыв не только обо мне, но и о Кламириане, который некоторое время назад растворился где-то в углах кабинета да так и не появился на своем месте. Кажется, целители заполучили новую игрушку. Как говорил когда-то дедушка Лил, декан лекарского факультета: «Все мудрецы знают, что невозможно сделать невоз-

можное, но приходит один дурак, который этого не знает, и... делает невозможное». В данном случае мои наставники настолько привыкли передавать ресурсы пациенту непосредственно от самих себя через кожу, что и не задумывались о достижениях простых лекарей, то есть о капельницах. Ведь давно известен метод дозированного снабжения организма необходимыми веществами наряду с магическим воздействием, однако никто из целителей почему-то даже не пытался взять его на вооружение. Неужели банальная гордыня? Дескать, а что полезного для нас, небожителей, вообще могут изобрести эти лекаришки? Куда им до нас, могучих целителей? Целитель — это звучит гордо!

Тьфу! Я на миг представил себе, что пытаюсь исцелить егеря без помощи капельницы. То есть традиционным методом. Боюсь, и больного не спас бы, и сам бы загнулся.

С одной стороны, да, рискнул. Действительно самоуверенный мальчишка, правы наставники. Но их правота отдает мертвым формализмом и пыльными инструкциями, не способными заменить простейший антисептический порошок. Эти до ужаса правильные указания не допускают риска, но заслоняют толстой пачкой бумаги живого человека. Избегать выволочки, которой я сейчас удостоился? Да запросто. Вот он, умирающий егерь, а в моих руках — совершенно четкая инструкция, требующая не вмешиваться и дать ему спокойно умереть. Однако стоит вдуматься и осознать, что человек умер из-за твоего бездействия и нежелания рисковать — сразу становится страшно. Завтра твой друг так же холодно, в соответствии с этой же правильной инструкцией, оставит тебя умирать и будет абсолютно прав с точки зрения мертвой логики бездушной бумажки. Значит, инструкции — зло? Наплевать и забыть?

Но, с другой стороны, помер бы я там, с Норбиано в обнимку — и, как сказали наставники, тысячи таких Норбиано остались бы без моей помощи в будущем. Не было бы у них будущего. Некому было бы им помочь.

Так для чего же я существую? С какой целью боги дали мне целительский талант? Оценивать риски или спасти людей? Не будет ли поздно, если я начну излишне долго раздумывать об этом?

Заметив мои душевные терзания, Лабриано прервал спор с коллегой и мягко сказал:

— Осознал наконец, чем могло завершиться твое целительство? Двумя могилками, двумя безутешными вдовами и детьми-сиротами в двух семьях сразу... Однако, — он мне неожиданно подмигнул, — не помоги ты егерю, я бы засомневался, целитель ли ты. Риск в нашем деле неизбежен, милейший. И мы тебя учим не избегать его, а минимизировать. В Бардиносе, признаем, у тебя не было никакой возможности подстраховаться, но продумать весь процесс ты был обязан, пусть и потратив на это лишних полчаса.

— Так я и продумал... как мог... — начал было оправдываться я, но меня прервали на самом интересном месте.

— Давайте уже закончим с этим вопросом и перейдем к следующему. Надеюсь, с егерем все? — тоном, не допускающим возражений, спросила Греллиана.

— Не совсем...

— Еще что-то? — с нешуточной угрозой в голосе прервала меня наставница.

— Сушая ерунда. Я всего лишь внедрил в его тело узор регенерации и в разум — знание, как им управлять.

Мне снова пришлось демонстрировать структуру узоров и объяснять, что к чему. Наставники сошлись во мнении, что узор, конечно, любопытный, но не более того. Без присоединенных знаний по его управлению сам по себе он ничего не стоит, а внедрить егерю знания удалось только потому, что при исцелении у меня с ним был очень плотный контакт. Так что в повседневной работе с обычными людьми этот узор использовать нельзя — гораздо проще и надежнее задействовать уже давно известные амулеты.

— Теперь-то все? — в очередной раз спросила Греллиана и, дождавшись моего подтверждения, продолжила: — Перейдем к любимым вопросам КСОРа. Речь идет о секретности... Сомневаюсь, что младшая помощница, присутствовавшая при операции, могла отличить магию целителя от простой магии лекарей, поэтому, я считаю, тайна короны несколько не нарушена. А ваше мнение, господин Кламириан?

— Если уж говорить о секретности, то здесь все гораздо проще, чем можно предположить.

Я даже вздрогнул, когда Кламириан возник из воздуха

прямо в своем кресле. Мы уже и забыли, у кого в гостях выясняем отношения.

— Буквально на днях король подписал указ, который предписывает до минимума снизить режим секретности в отношении целителей. Ох! — совсем по-человечески вздохнул порученец. — Мне даже страшно произнести то, что сейчас я собираюсь довести до вашего сведения. Однако надо. Принято решение... рассекретить этих специалистов. Правда, до публикации имен в газетах, как в Лопере, дело не дошло, но теперь, в соответствии с указом, «означенным персонам разрешается называть свой истинный статус и в доказательство принадлежности к целителям демонстрировать способности, дабы граждане королевства, а равно и других стран, участвующих в договоре о лекарско-целительской взаимопомощи и взаимобмене, могли осознанно помогать им и не чинили препятствий в профессиональной деятельности», — процитировал он.

— Ну наконец-то, свершилось! — воскликнула Греллиана, не сдержав радости.

Лабриано скромно покивал головой — дескать, давно пора.

Вспомнив, как он высмеял мои потуги законспирироваться при первой нашей встрече, я догадался, что мои приключения в Бардиносе и скитания в Лопере если и повлияли как-то на издание королевского указа, то незначительно. Примерно как последняя капля дегтя шлепается с маху в и так уже переполненную чашу уксуса.

— Я знаю, что вы, госпожа Греллиана, принимали самое активное участие в рождении этого межгосударственного договора, — обратился к целительнице порученец генерала.

Только сейчас, к своему стыду, я обратил внимание на несколько больной вид своей наставницы. У нее было бледное, изрядно похудевшее лицо и тени под глазами, а в одежде усматривалась некоторая едва заметная небрежность.

— Однако на означенные меры руководство страны пошло исключительно благодаря работам небезызвестного вам графа Гиттериана деи Ванторо, — добавил Кламириан.

Мне это имя ни о чем не говорило. Я с недоумением посмотрел на наставников. Они, похоже, прекрасно знали, о

ком идет речь, но тем не менее их лица также не выражали понимания ситуации.

— Граф — весьма известный за границей целитель. У нас он почти неизвестен из-за секретности, — специально для меня пояснил Кламириан.

— Он специализируется на изучении мозга, психических процессов, структур памяти, воображения и мышления, — добавила Греллиана. — И каким образом его работы помогли вам принять столь страшное для себя решение? — с легкой усмешкой спросила она.

— Вы не понимаете, — мрачно посмотрев на наставницу, ответил порученец. — Веками мы хранили и оберегали тайну целителей. Думаете, легко внушить всему миру, что целителей не существует? Что их нет? Что они — миф, сказка? Даже исцеленные обязаны были хранить тайну. Многие высокопоставленные персоны, пока их не касались болезни или увечья, до последнего момента толком ничего не знали. — Кламириан горько вздохнул. — Сколько изощреннейших слухов было пущено среди населения, сколько газетных статей и даже романов написано талантливейшими авторами с целью сокрытия информации... Вы себе не представляете! А сколько профессионалов высочайшего уровня в одночасье фактически лишились работы...

— Не понимаю вашей скорби, господин личный порученец господина генерала, — прервала целительница стенания Кламириана. — Если эти сотрудники действительно профессионалы, им найдется применение. Ваше ведомство сможет направить усилия на решение куда более важных и нужных задач. Заодно почистите свои ряды от дармоедов, плодящих тонны никому не нужных инструкций и разводящих тайны на пустом месте... вспомните, как назойливо уговаривали гостей из халифатов и империи Сун ни в коем случае не называть наших целителей коллегами, — так сказать, во избежание и в целях пресечения...

— Не буду с вами спорить, сдаюсь, — вяло поднял руки порученец генерала. — Только вот, похоже, и я дорабатываю на этом месте последние дни, — не сдержал он грусти.

— Не расстраивайтесь, Кламириан, — вмешался в разговор Лабриано. — Я знаю вас не первый год и сегодня же переговорю с генералом. Уверен, что он прислушается к моему

мнению. Вы талантливый организатор, и я бы хотел, чтобы именно вы курировали наши секретные разработки. Если кого и надо отправить в отставку, так это Тромбиана. Совершеннейший болван и солдафон: «Положено! Не положено! Если нет аналогов в халифатах или в империи, значит, дерьмо! Денег не дам — докладывать никому не буду! Вот появись у них — приходите, будем смотреть». Идиот. Сколько перспективных работ загубил.

— Благодарю. Ваше мнение для меня лестно. — Было видно, что порученец не очень верит в результативность разговора с генералом.

— Так что же все-таки повлияло на решение его величества, если не секрет? — напомнила наставница тему нашего разговора.

— Да, — встрепенулся Кламириан. — Что повлияло. Согласно предварительным данным графа Гиттериана... — Порученец сделал многозначительную паузу и обрушил на наши головы шокирующие сведения: — Магическая клятва, которой в течение многих веков наши академии связывают абитуриентов при поступлении на факультет лекарского дела, блокирует способности к целительству. Она же является причиной так называемого отката в случае применения способностей во вред живому существу.

Звенящая тишина, наступившая после слов порученца, через несколько секунд взорвалась бурей вопросов:

— Как?! Почему?!

— Это точно?! Он ничего не перепутал?!

— Не могу поверить!

— Что-то здесь не то...

Целители кричали наперебой, атакуя Кламириана звуком не хуже, чем совсем недавно — меня.

— Господа целители! Господа! — отбивался хозяин кабинета. — Ничего более определенного не могу сказать. Это все, что я знаю. Граф продолжает работать над этой проблемой.

Наконец порученцу удалось слегка утихомирить своих посетителей, и, немного отдышавшись, он закончил:

— Еще пару слов по этой проблеме я все-таки скажу. Граф считает, что блокировка не абсолютна и люди с выдающимися способностями могут преодолевать негативное воздействие магического узора, препятствующего их развитию и со-

вершенствованию. Таким образом, вместе с рассекречиванием факта существования целителей принято решение избавить их от магической клятвы. Косвенно данные исследований господина Гиттериана подтверждаются статистикой за последние триста лет. В Лопере, где три века назад отказались от клятвы, процент целителей среди выпускников академий впятеро превышает соответствующий показатель в нашей стране. И при этом среди целителей выдающихся специалистов гораздо больше, чем у нас.

— Но как же?.. — удивился я. — Я ведь был в Лопере и знаю, насколько плохо там обстоят дела даже с простыми знахарями, не говоря уж о целителях.

— Это-то как раз понятно, — мягко вразумил меня Лабриано. — Не забывай, что на лекарское дело в Лопере идет учиться мизерное количество абитуриентов. Среди лоперских дворян, а только они и могут получать образование в местных академиях, эта профессия не престижна. Каковы наши дальнейшие действия в свете открывшихся обстоятельств, почтеннейший? — спросил он порученца.

— Граф изготовил амулет, избавляющий от уз клятвы. К сожалению, только один экземпляр. Мы будем приглашать целителей и лекарей к себе и постепенно освободим всех. Первыми, пользуясь случаем, я предлагаю пройти процедуру вам. Затем после обеда наши люди выедут в академию для работы со студентами факультета лекарского дела. Кстати, господин Филлиниан, графа очень заинтересовали ваши приключения в горах. Особенно сны, связавшие вас с женой. Он уверен, что это, образно говоря, дело рук аномальной области вокруг Сербано. Причем, по нашим прикидкам, ваше последнее путешествие проходило наиболее близко к гипотетическому центру аномалии. Так что готовьтесь вместе с графом и группой студентов вновь посетить знакомые места в горах.

М-да. Я и сам-то вздрагиваю, вспоминая про пещеры, туннели, залы и пропасти, а тут еще Свента грозитя все волосья на теле повывергивать, если я про горы заикнусь. Впрочем, она — будущая невидимка и отлично понимает, что такое приказ. Теоретически я могу, конечно, отказаться от похода, но на практике «просьбы» КСОРа выполняются без лишних выеживаний. Не надо быть гением, чтобы дога-

даться о наличии в этой конторе действенных рычагов влияния на таких, как я. А когда меня стимулируют этими самыми рычагами под мягкое место, мне это очень не нравится. Настроение сразу портится. Поэтому не буду брыкаться, к тому же мне и самому интересно, что получится из подобного эксперимента.

Кламириан достал из сейфа кристалл и передал Греллиане. Та сжала его в кулаке, прикрыла глаза и на полминуты застыла. Затем молча передала амулет Лабриано, и тот в точности повторил действия наставницы. Наконец кристалл попал в мои руки, и я собезьянничал в лучших традициях наглых кривляк-мартышек. Не помогло. Ни зажатый в кулаке кристалл, ни зажмуренные глаза не произвели в моем организме никаких видимых изменений. Осторожно приоткрыв левый глаз, я увидел ехидную ухмылку Лабриано. Быстро зажмурившись, приоткрыл уже правый глаз и увидел... ехидную ухмылку Греллианы. Только тогда до меня дошло, что для лекарей и целителей граф не стал бы заморачиваться с блоком активации, реагирующим на сжатие кристалла немагом. Вглядевшись магическим зрением, увидел в узоре амулета два простеньких активатора — для магусов лекарей и нитей целителей. Узор заработал, и я ощутил, как легкий прохладный ветерок обдувает мои мозги.

Когда ветерок перестал простужать мою голову, порученец отобрал игрушку, положил обратно в сейф и обратился ко всем нам:

— Завершая нашу встречу, хочу сообщить, что генерал Алтиар побеседовал с господином ректором академии и договорился о сдаче экзаменов и возможном приеме на обучение наших лоперских гостей. В виде исключения. Испытание состоится завтра в одной из аудиторий академии. Там будут присутствовать двое опытных целителей... Из вас троих на испытании будет присутствовать только господин Филлиниан, и то в качестве стороннего наблюдателя. Впрочем, и перед господами целителями иных задач, кроме наблюдения, не ставится. Привлеченные не располагают информацией — мы бы хотели услышать их независимое мнение. Вдруг они увидят что-то такое, что поможет объяснить сон господина Филлиниана, в котором он стоял вместе с Лесиозой перед

входом в лабиринт. Здесь нежелательно ваше знание о предполагаемых способностях девушки.

Наставники, соглашаясь, кивнули.

— И последнее. Негласная охрана с вас пока не снимается. Целители — по-прежнему ценный ресурс. Однако постепенно курирующие их невидимки будут заменяться королевскими гвардейцами. Использование столь подготовленных воинов, как невидимки, дорого обходится короне, а нужды скрывать телохранителей уже нет. Охрана станет гласной. Тем не менее гвардейцам предписано не афишировать личности подопечных. Вам в скором времени будут выданы новые документы в соответствии с вашим истинным статусом. У меня к вам все. Вопросы, пожелания, просьбы?

Мы распрощались с порученцем и вышли в приемную, а затем в коридор.

— Что ж, Филлиниан, — сказала Греллиана, — на сегодня мы с тобой прощаемся. Занятия начнем с завтрашнего дня. Будешь приходить в больницу три раза в неделю. Оформим тебя помощником целителя, раз уж ты паучью болезнь между делом исцеляешь. А теперь иди в академию, восстанавливайся и нагоняй группу.

— А может, — неуверенно спросил я наставницу, — мне уже не нужны магусы и прочее? Кристаллы я усвоил...

— Ты что, всерьез думаешь, что целители не используют магусы?

— Нет, что вы! Я и сам их применял в Бардиносе...

— То есть все-таки понимаешь, что не всегда целесообразно бить дубиной комара? А раз понимаешь, то и методы лекарей должен знать лучше, чем они их сами знают. Ты видишь все тонкости работы магии, а лекари, ориентируясь по косвенным признакам, порой замечают такое, что мы в своей гордыне упускаем. Поэтому иди и учись. Не позорь звание целителя.

— Да, милейший, топай в академию, а я найду к генералу. Надо попробовать толкового человека пропихнуть на место дуболома, а этого, пользуясь случаем, под сокращение... Да, кстати, с тобой, милейший, занимаемся два раза в неделю. Обговорите с Греллианой дни ваших встреч, а со мной — в оставшееся время. И не забудь о том, что обещал мне перед отъездом. Напомнить? Передача слов на дальнейшее расстоя-

ние. И не строй такое лицо, будто задача даже по ночам тебе снится.

Кивнув, я направился было к выходу, но тут в моем воображении в полный рост предстал канцелярский крыс из академии и писклявым голосом спросил: «А справочка о том, что вы живой, у вас есть, господин Неизвестно Кто?» Я тут же резко затормозил, развернулся на пол-оборота и бросился обратно в приемную порученца.

— Господин Кламириан у себя? — спросил я у секретаря.

— У себя.

Вежливо постучав, я прошел в кабинет, только что нами покинутый, и, помявшись под удивленным взглядом порученца, обрисовал ему ситуацию с восстановлением в академии, благо подобный опыт уже был. Рассказ о том, каких трудов мне стоило тогда доказать, что я живой, впечатлил и немного развеселил Кламириана. Он улыбнулся, написал короткую записку и, вызвав секретаршу, поручил ей немедленно подготовить в канцелярии КСОРа справку по всей форме, а мне предложил подождать в приемной.

ГЛАВА 2

Вместо справки секретарь выдала мне небольшой кожаный мешочек, внутри которого оказался овальный золотой жетон на серебряной цепочке. На одной стороне жетона были выгравированы корона и надпись «Королевство Элмория», на другой — эмблема лекаря и номер — в моем случае «тридцать два». — Прошу вас в моем присутствии активировать амулет — знак целителя, назваться полным именем и расписаться в получении.

С интересом рассмотрев узор, я увидел в нем блок хранения основных признаков личности и единственный активатор — целительский. Причем после активации перенастроить амулет на кого-нибудь другого будет невозможно — данные встраивались в материал жетона намертво. Даже целителю пришлось бы, используя трансмутацию, фактически изготавливать амулет заново. Только зачем и кому это может понадобиться? Глупо было бы маскировать шпиона под целителя, зная, что агент рискует спалиться при самой элемен-

тарной проверке. Если я правильно понимаю, жетоны находятся на строжайшем учете и изготавливаются кем-то из очень опытных мастеров целительского дела.

Я вытряхнул жетон из мешочка на руку, активировал и четко произнес свое имя. Параметры моего тела и особенности магической структуры впечатались в золото амулета, а над ним самим проявилось объемное изображение короны с цифрами «три» и «два». Ниже переливалась золотом надпись: «Филлиниан деи Брасеро — целитель». Продержавшись полминуты, изображение погасло, будто растворилось в воздухе. Теперь оно может проявиться только по моей команде и только если жетон у меня в руках.

В указанной секретарем строчке гроссбуха я поставил свою закорючку и с любопытством спросил:

— А у лекарей какие жетоны, если не секрет?

— Секрета нет. Подобными жетонами будут постепенно снабжаться все граждане страны, имеющие хотя бы минимальные магические способности. На каждом жетоне обязательно присутствует эмблема и название профессии, имя владельца и его гражданство. В халифатах подобные жетоны внедряются уже примерно с полгода. А впервые их начали использовать в империи Сун. Там их называют пей-цзе. Так что лекари получают такие же жетоны, только серебряные, знахари — бронзовые, а травники — медные. Материал обозначает приблизительный ранг носителя.

— Но я ведь еще не целитель. Всего лишь ученик.

— Поэтому у вас цепочка серебряная и венцы короны без алмазов. Когда станете полноправным целителем, вашу цепочку заменят на золотую, а корону инкрустируют камнями. Таким образом, не придется изготавливать новый жетон, — с гордостью пояснила секретарь, словно именно она придумала, как сэкономить денежки короля.

— Стало быть, амулет заменит любые справки?

— Вы правильно поняли. Поскольку ваш случай особый, господин Кламириан распорядился выдать вам жетон вне очереди. Пока их слишком мало, чтобы обеспечить всех. Наше ведомство рекомендует носить его на груди под одеждой.

Поблагодарив девушку (или даму — суровый неприступный вид затруднял точное определение возраста), я надел

жетон на шею согласно рекомендации и направился в академию на растерзание канцелярскому крысу. Сидя в карете, продумывал варианты разговора с ним, заранее накачивая себя мрачной решимостью высказать ему в лицо все, что накипело. За всех бюрократов и бюрократию как нашего королевства, так и лоперского!

В знакомой по прошлому году приемной та же самая девушка-делопроизводитель, выслушав меня и недоуменно глянув на активированный жетон целителя, привычно шмыгнула в двери к начальству, пробормотав извинения типа: «Сами мы не можем. Ситуация непонятная. Решать не нам...» — и прочее в том же духе. Дверь она оставила приоткрытой, вероятно не сомневаясь в том, что вскоре придется пригласить меня на аудиенцию к грозному командиру армии стрелков гусиным перьями, испачканными ядом чернил.

Я нахмурился и набычился, готовый во всеоружии сарказма встретить нагоняй за то, что снова посмел остаться в живых вопреки отчетности и устоявшемуся порядку его величества Учета.

Однако речь канцелярского крыса пошла несколько вразрез с моими ожиданиями.

— Липериана, мне больше делать нечего, кроме как разбираться с такими пустяками? Освежи в памяти правительственный циркуляр номер семь тысяч восемьсот тридцать девять. Напоминаю: примечание номер один содержит толкование, символику и краткое описание профессий королевства. В случае если предъявлен золотой жетон с эмблемой лекаря, это означает, что перед тобой целитель и мы обязаны оказывать ему всяческое содействие. А то, что господин Филлиниан остался жив... Надо радоваться этому факту, а не мучиться вопросами, как оформить молодого человека. Бумажные вопросы не должны его касаться. Он на четвертом курсе, если не ошибаюсь? Выпиши ему временное удостоверение, подтверждающее статус студента, и пусть идет получать в своем деканате необходимое.

Вся накопленная за время поездки негативная энергия моментально рассеялась, и мне стало смешно. Так долго готовился, обвешивал себя щитами и шипами, а меня никто и не подумал атаковать. Это все равно что заковать себя в сталь с ног до головы, с лязгом и боевым кличем впрыгнуть в поме-

щение, размахивая двуручным мечом, готовясь косить толпы кошмарных тварей, и... оказаться посреди развеселого детского праздника.

Секретарь с улыбкой (обалдеть!) выдала мне бумагу и, мило щебеча, настойчиво предложила проводить до деканата, дабы молодой и красивый (хм!) парень не заблудился в запутанных лабиринтах академии. То, что этот парень уже три года здесь отучился, не имело для нее ни малейшего значения. М-да. Учить и учить достопочтенному начальнику свою помощницу. Нет бы в мое личное дело заглянуть — там наверняка указано семейное положение. Любую претендентку на свежееиспеченного целителя должно как минимум насторожить, что жена столь лакомого кусочка обучалась на факультете боевой магии. Разумеется, я прекрасно понимал, что, даже немного похудев, красавчиком и героем девичьих грез отнюдь не стал — внимание девушки привлек мой статус, а не я сам.

Хотелось послать ее подальше, все время лесом, потом полем, но хамить особых причин не было. Я вежливо распрощался, улыбнулся, поблагодарил за заботу, туманно намекнул о необходимости заглянуть на боевой факультет, чтобы узнать, закончилась ли тренировка у жены, и, помахав ручкой, пошел к родному деканату, предвкушая встречу с дедушкой Лилом. Ссылка на жену оказалась правильной. Секретарь, до этого решительно настроенная проводить-таки меня самым длинным путем, увяла, вздохнула и вернулась на свое рабочее место.

Уважаемого наставника на месте не оказалось. Как раз в это время он читал лекцию студентам четвертого курса. То есть моей группе. Об этом сообщила другая секретарша, уже из приемной декана, та самая кобра, у которой не забалуешь. Облив меня, злостного прогульщика, лишь по недоразумению не выгнанного с факультета, концентрированным ядом презрения, она тем не менее соизволила сообщить номер аудитории. Не задерживаясь ни секунды, я скорым шагом пошел в указанном направлении. Судя по острому взгляду, каким меня подталкивали в спину, направление мне хотели задать напрямиком на выход из академии, да чтобы гарантированно без возврата.

Поскольку все, кого интересовало мое воскрешение, со-

брались вместе, то смысла дожидаться перерыва в занятиях я не видел, поэтому нахально постучал в дверь и тут же заглянул внутрь. Декан недовольно покосился и хотел было рывкнуть, но... Очень интересно наблюдать, как меняется выражение лица по мере того, как человек осознает происходящее: сначала проявляется недовольство, потом недоумение, затем мучительная работа мысли, проблеск узнавания, удивление — и, наконец, радость. Все это произошло довольно быстро, все-таки декан не тугодум. А тут и присутствующие студенты одновременно с шумом выдохнули, как после окончания смертельного трюка в цирке, за исполнением которого следят с замиранием сердца.

— Да это же ж Филин! — Рев Сена чуть не вынес меня обратно за дверь. — Живой же ж, демон его полюби! Я ж знал! Я точно ж знал, что он же ж... А-а, чего ж там!..

Он ринулся ко мне и сдавил в объятиях. Я не удержался на ногах и, пятясь, действительно вылетел за дверь... Акустика у нас хорошая, студенты сидят на занятиях — никто и ничто не мешало звуку свободно разливаться, заполняя коридоры факультета от первого этажа до последнего. Вот этот самый медвежий рев в исполнении Сена широко и разлился по всему пространству. Захлопали двери. Кто-то выглянул посмотреть, что происходит. Кто-то, наоборот, стал баррикадироваться в страшной спешке. Но равнодушных к вокальным данным Сена не нашлось.

Вся группа вывалила вслед за нами в коридор. Меня обнимали, целовали (только в щечку!), выбили всю пыль из моей одежды, радостно галдели и наперебой задавали вопросы, впрочем, одни и те же: где был, что делал, куда пропал. И так продолжалось минут пять, пока охрипший декан не навел порядок и не загнал нас обратно в аудиторию.

Пришлось в очередной раз рассказывать, как заблудился в горах, как оказался в Лопере, поработал поваром (отдельная благодарность Сену за науку) и травником (благодарность факультету в лице декана).

В ответ одногруппники поделились со мной новостями. В частности, информацией о грядущем рассекречивании целителей и снятии клятвы. Дескать, после обеда должны подъехать представители КСОРа с артефактом и провести

эту процедуру со всеми студентами факультета. Зачем это нужно, никто не понимал, но все согласилось, что в качестве повода для похода в кабак данное событие вполне сгодится. А уж отметить мое возвращение даже дедушка Лил не отказался и отменил последнее занятие. Я, в свою очередь, пригласил всех, в том числе и декана, в таверну «Веселый пират», занимавшую старинное трехэтажное здание на стыке кварталов богачей и ремесленников. Это заведение — как раз то, что нужно для банды студентов.

Обговорив время встречи, я попрощался с товарищами и собрался в хранилище за новенькими мантиями и прочими причиндалами, необходимыми для учебы на четвертом курсе. Сен отозвал меня в сторонку и смущенно спросил, можно ли ему прийти с Весаной. Я, разумеется, не возражал, но что-то в его голосе мне не понравилось. Какая-то легкая тоска и меланхолическая грусть. Списав все на неурядицы в личной жизни Сена, но сделав в памяти пометку, я отправился по своим делам.

Хорошо, когда в твоём распоряжении есть карета. Помогаться по городу пришлось очень даже немало. Я завез домой вещи, полученные в хранилище, поиграл с дочкой и уложил ее спать, ибо без папы малышка не желала укладываться ни в какую. После этого отправился к Свенте, дождался перерыва в ее занятиях и сообщил о предстоящем мероприятии. В ответ мне пришлось выслушать массу полезных сведений о способах самосовершенствования некоторых недалеких целителей, так и не научившихся понимать, что женщине требуется время для подготовки к подобным событиям — неделька, а лучше две. Ведь надо пошить платье — не в тренировочном же костюме идти, а дома все сплошь старье немодное; подобрать украшения в тон к новому наряду; нанести боевую раскраску, то есть сделать макияж, причесаться, помыться (в какой последовательности, я так и не уловил) и вообще морально настроиться. Робкое замечание о том, что Свента и без краски чудо как хороша, вызвало две изумрудные молнии, вбившие мое самонадеянное мнение ниже тротуарной плитки.

После беседы с женой я обрушился на сиденье кареты весь в мыле, хотя было не так уж жарко, вполне по-осеннему, и приказал везти меня в театр, отчаянно надеясь, что хотя бы

у Вителлины проблем с платьем и макияжем не будет. Вторую лекцию о правилах подготовки женщин к пьянке я, боюсь, не выдержу.

Мутный бред кошмара потихоньку бледнел и уступал позиции реальности осеннего утра. Я осознал себя лежащим на мягких, хорошо взбитых пуховиках нашей со Свентой кровати в спальне герцогского дворца. Общее состояние здоровья оценивалось мною от «плохо» до «о-очень плохо». Мысль о вдруг потерянных способностях и куда-то девшейся самоочистке организма испуганной куропаткой вспорхнула в моей голове и, заполошенно хлопая крыльями, заметалась в звонкой пустоте, стучаясь то в левый, то в правый висок, то в темя, то в лоб. Спустя вечность я вспомнил о том, что сам же и блокировал самоочистку перед походом в таверну. Какой смысл пить дорогие напитки, когда алкоголь мгновенно вычищается и ты сидишь трезвый до синевы среди завидно пьяной компании? Я не пьяница, но почему бы изредка не позволить себе немного расслабиться.

Поспешно сняв блокировку, я ощутил волну благодатной свежести, пробежавшей от головы до пяток, повернулся на левый бок и приоткрыл глаза. Взгляд встретился с двумя факелами изумрудного пламени из-под грозовой тучи нахмуренного чела дражайшей половинки и, трусливо вильнув, скрылся в самой-самой глубокой ямке моей души. Разум лихорадочно пролистывал страницы вчерашнего праздника, которые сумел вспомнить, и ничего такого, что могло бы вызвать ярость жены, не находил.

— Свенточка, солнышко мое, — проворковал я, стараясь придать голосу бархатные интонации, и протянул руку, чтобы погладить обнаженное плечико женушки, но тут же получил чувствительный шлепок и зашипел от боли.

— Я тебе не солнышко, кобель! Тебя в Лопере научили таким способам любви?!

— К-каким способам? Что-то не припоминаю...

— Еще бы ты припомнил. Наклюкался, а потом всю ночь меня... имел.

— Тебе не понравилось? — по-настоящему испугался я, стараясь детально воспроизвести в памяти, чем же мы с женой занимались этой ночью.

Память фрагментами высвечивала довольно похотливые картинки и... сладострастные стоны Свенты. Значит, понравилось. Тогда в чем дело?

— Понравилось, — честно ответила жена. — Ты разговор в сторону не уводи! Кто тебя научил этим способам?

— Никто. Честно-честно! У нас специальный курс есть и даже зачет по нему: «Способы сексуального удовлетворения и их влияние на физиологические процессы в организме мужчины и женщины».

— Да-а-а? А зачет этот вы сдаете практически? Парами? А кого у вас больше в группе, мальчиков или девочек? А что вы делаете, если девочек на всех не хватает? А с кем в паре ты сдавал зачет? С Кламирой? Уверена, что вы получили высший балл...

Штормовая волна сарказма, шипя пенистым гребнем, грозила накрыть меня с головой и утащить за собой в холодную и мокрую пучину скандала.

— Свента! — в отчаянии возопил я. — О чем ты говоришь?! Конечно же зачет мы сдаем исключительно теоретически! Что такого, что я захотел тебя порадовать и применил для этого свои профессиональные знания?!

— Вот как?! Меня порадовать? А тренироваться начал еще в таверне?! На Кламире и Вителлине?!

Яркой вспышкой высветилась одна из вчерашних сцен в таверне...

После третьего или четвертого бочонка гонмарского крепкого я сижу на лавочке за столом и всем приветливо улыбаюсь. С левого бока пристроилась Вителлина и, положив голову на мое плечо, рассказывает о том, что я славный парень и она хотела бы видеть меня своим мужем, но сердце мое занято и она поняла это еще в Сербано. А теперь ей нравится Сентаррино. Он большой, сильный и добрый. Однако рядом с этим парнем крутится какая-то курица, которая не дает познакомиться с ним поближе. А брачного браслета на нем нет и сердце его свободно — об этом ей говорит женская интуиция, которая, как известно, сильнее мужской логики, во всяком случае, в таких вопросах. Поэтому Вителлина готова отблагодарить своего друга Филлиниана, если он познакомит ее с однокурсником. Помнится, я громко сказал, что непременно познакомлю чудесную девушку Вителлину с

прекрасным парнем и своим лучшим другом Сеном. Певича пообещала дать распоряжение пускать Сена в ее личную ложу. Одного. Без курицы. Только в компании меня и Свенты, а лучше без меня и без Свенты. Или можно со мной и Свентой — мы же не будем ходить за ним хвостом.

Вителлина, успокоенная, задремала, а Весана, злобно фыркнув, молнией метнулась к выходу, на ходу крикнув Сену, что если он еще хоть на секунду задержится в этом борделе, то между ними все кончено. Друг тяжело вздохнул и уныло поплелся вслед за своей пассией.

Моя жена куда-то отлучилась, и этим воспользовалась Кламира. Девушка шлепнулась на скамейку рядом со мной, приткнулась головой мне под мышку и слегка заплетающимся языком стала объяснять, что она... ш-ш-ш-ш... никому... Ни. Ко. Му. Про то, что некий Филлиниан — самый настоящий целитель. Вот так! Это ее секрет, и она никому и ни за что... Ее верное сердце никогда не предаст товарища. В доказательство она потребовала приложить руку к ее груди, чтобы я мог почувствовать, как стучит верное сердце, не знающее предательства. Она взяла меня за запястье и с размаху приложила ладонь почему-то сначала к правой стороне своей груди:

— С-стучит?!

— Не-а.

— К-как «не-а»? А, да. — Она переложила мою ладонь на правильную сторону и снова потребовала отчета: — С-стучит?

Я согласился. Стучит!

— В-вот. Теперь ты мне вришь... в-в-веришь?

Я снова согласно кивнул, улыбаясь, словно благодный идиот. Эту сцену и увидела Свента, вернувшись к столу. Будучи, как и все, навеселе, она просто освободила мою руку из плена, решительно сказав:

— Мое! Отдай! — отпихнула Кламиру, которая уже явно забыла, что тут делает, и, присев на ее место, положила голову мне на плечо, где моментально задремала. Со стороны это наверняка смотрелось очень симметрично: в центре улыбаюсь я, а на плечах эполетами лежат две женские головки.

Выходит, утром жена все вспомнила и в полном согласии с типично женской логикой накрутила себя по максимуму, толкая любые сомнения против меня.

Не буду класть персты в кровоточащие раны, описывая подробности нашего примирения. Кому доводилось просыпаться утром после удавшейся вечеринки, на которой присутствовала жена... или не присутствовала, но нашла следы других женщин в виде волоса, следов помады или туши, тот меня хорошо понимает и, думаю, вспоминает утренние разбирательства не без содрогания. Хорошо, что после получаса уверений в своей любви, убеждений в верности, клятв, целования всего, до чего смог добраться, мне удалось затащить Свенту в постель и на деле доказать ее единственность и неповторимость.

На первую для меня лекцию в новом учебном году пришлось собираться впопыхах. Но я все равно не успел к началу и удостоился гневного взгляда наставника по практической магии. Высокий худощавый мужчина в мантии с эмблемой лекаря окинул меня тяжелым взглядом и ткнул пальцем в свободное место на первом ряду. Преподаватель был смуглым и немного горбоносым, как типичный житель юга страны, где селились рыбаки, моряки и пираты. Он носил короткую стрижку «ежиком», бородку клинышком и длинные, стрелками, усы. Волосы его были черного цвета и гармонировали с черными же пронзительными глазами. Виррано ано Кордьеро, так звали наставника, хоть и был произведен в дворяне, но дворянских детей, мягко говоря, недолюбливал, считая балластом, недоумками и лентяями, которым от академии ничего, кроме «корочки», совершенно не нужно — папочки и так пристроят на теплые местечки. Свое отношение он не считал нужным скрывать и сразу предупреждал, что на контрольных и лабораторных работах вымотает всю душу. Таким образом, наша с ним «любовь и приязнь» были предопределены заранее. А то, что я появился на занятиях месяц спустя после начала учебного года, только усугубило ситуацию. Наставник ясно дал понять, что следить за моими успехами он будет предельно внимательно.